

Чэн Янь не знал, как подступиться к Чу Вану с утешением.

Юноша стал куда сообразительнее, разум его прояснился, но в сердце всё еще жил тот чистый и наивный ребенок, каким он был последние восемнадцать лет. Весь мир маленького цзюньвана всегда был ослепительно белым и добрым, но в одно мгновение эта пелена спала. Он столкнулся с уродливой правдой дворцовых распрей: он был лишь невинной жертвой, принесенной в угоду имперской власти, а старший брат, которому он так доверял, рассматривал его гибель как приемлемую цену в политической игре.

Чэн Янь ласково погладил его по волосам. Иссиня-черные пряди Чу Вана, еще не собранные в сложную прическу взрослого мужчины, рассыпались по плечам. Когда пальцы лекаря касались их, локоны скользили и вились вокруг них, точно шелк.

Чу Ван выглядел потерянным. Казалось, он даже не замечает нежности своего спутника.

Испытывал ли он ненависть? Даже если бы и так, юноша не знал, на кого ее направить — истинный виновник его давней беды до сих пор скрывался в тени. К тому же Чу Ван по натуре своей не умел долго таить злобу. Он читал в книгах о людях, ослепленных жаждой мести, которые тратили всю жизнь на то, чтобы отплатить за старую обиду. Тогда эти истории казались ему глупыми: зачем тратить годы на ненависть, когда вокруг столько поводов для радости?

Но эхо подслушанных слов всё еще отдавалось болью в груди. Он больше не мог, как прежде, беззаботно и искренне ластиться к старшему брату.

Чу Вану стало душно в этих стенах. Он крепко обхватил Чэн Яня за талию и тихо прошептал:

— Чэн Янь, я хочу уехать отсюда...

Тот на мгновение замер, а затем медленно произнес:

— Хорошо. Куда бы ты ни отправился, я буду рядом.

Лекарь и сам понимал: в столице слишком много грязи и интриг. Статус Чу Вана всегда будет вызывать чью-то зависть или опасения. Лучше забрать его подальше от этого места — там, на свободе, они обретут истинный покой.

В этом их желания полностью совпали.

В последующие дни из дворца не поступало никаких тревожных вестей. Император прислал

старого евнуха за «бессмертным снадобьем», и Чэн Янь выдал ему сразу сотню пилюль, честно предупредив, что его запасы опустошены до дна.

Вслед за этим прибыл указ о даровании брака. Поскольку Чу Ван был цзюньваном, указ официально провозглашал Чэн Яня его супругом — Супругой цзюньвана. Свадьбу велено было сыграть в ближайший благоприятный день.

Когда глашатай закончил читать, Чу Ван не смог скрыть сияющей улыбки. Хотя в его сердце и поселилась обида на императора, это никак не умаляло его восторга перед предстоящей свадьбой. Теперь он умел читать, но при посторонних продолжал притворяться дурачком. Стоило евнуху уйти, как юноша вцепился в свиток указа, перечитывая его снова и снова.

Чэн Янь ущипнул его за щеку, позволяя вдоволь насладиться моментом.

Стоявшая рядом прислуга лишь дергала уголком рта. Книжник-слуга никак не мог заставить себя называть лекаря «Супругой цзюньвана», поэтому просто выдавил:

— Поздравляю господина цзюньвана! Поздравляю, лекарь Чэн!

Чу Ван поднял голову на Чэн Яня:

— Чэн Янь, я сегодня так счастлив! Давай одарим всех слуг серебром и дадим им три дня отдыха!

Собеседник поспешно его остановил:

— Серебро — это ладно, но какие три дня отдыха? Кто тогда будет готовиться к свадьбе?

Чу Ван захлопал ресницами:

— Неужели... нужно готовиться так быстро? Я ведь женюсь впервые, я совсем не знаю, как это делается...

Чэн Янь кашлянул и отвел взгляд, чувствуя, как краснеют уши.

— А кто женится не в первый раз? Кхм... Я хотел сказать, что уже сверился с календарем гаданий. Через месяц будет идеальный день, так что давай поженимся именно тогда.

Слишком долго он был «одиноким псом» в своих странствиях между мирами. Мысль о настоящем браке заставляла его нервничать — и это было вполне естественно.

Юноша внезапно схватил лекаря за руку, и лицо его просияло:

— Это чудесно!

Тот и сам не заметил, как губы его расплылись в ответной улыбке.

Вдруг Чу Ван что-то вспомнил и лукаво прищурился:

— Чэн Янь, получается, после свадьбы... я должен называть тебя «моя женушка»?

Улыбка Чэн Яня на миг застыла, но он тут же взял себя в руки и кивнул:

— Именно так.

Он склонился и коснулся лбом лба юноши, так что кончики их носов едва ощутимо соприкоснулись.

— А после свадьбы ты станешь моим муженьком.

Чу Ван вздрогнул. Услышав эти слова, он отчего-то так засмутился, что захотел немедленно сбежать, но Чэн Янь крепко держал его, не давая вырваться. Тогда юноша просто зажмурился и уткнулся лицом в грудь лекаря, запинаясь от волнения:

— Женушка... я... я так сильно тебя люблю!

Чэн Янь не выдержал и рассмеялся.

— И я тебя очень люблю, мой маленький муженек.

Книжник-слуга, стоявший неподалеку, лишь мысленно простонал:

«Видит небо, ну и затейники...»

Весть о готовящейся свадьбе в поместье цзюньвана разлетелась по столице мгновенно. Однако личность избранника заставила многих разинуть рты от изумления.

Пусть Чу Ван и слыл дурачком, желающих выдать дочерей в знатный дом было предостаточно: в резиденции цзюньвана не было свекра со свекровью, а муж-глупец — это даже к лучшему, ведь жена стала бы там полновластной хозяйкой. Юноша и не подозревал, каким завидным женихом он считался в глазах расчетливых свах.

Другие же, живя старыми сплетнями, едва не бросились к Дай Чигуаню с расспросами: «Как же так, господин цзюньван берет в жены мужчину, и это не ты?»

Сам Дай Чигуань в последнее время пребывал в дурном расположении духа. Не успел он переметнуться на сторону Третьего принца, как тот чем-то разгневал государя и был посажен под домашний арест.

Император всегда души не чаял в своем сыне и редко выходил из себя, а уж дойти до мягкого заточения — это было нечто из ряда вон выходящее.

Тот нутром чувствовал: это дурной знак. Но Дай Чигуань уже был в одной лодке с принцем, и теперь ему оставалось лишь затаиться, стараясь стать как можно незаметнее, пока его покровитель пребывает в опале.

Но пока одни горевали, в поместье цзюньвана всюду готовились к торжеству. Дом украшали алыми лентами и фонарями, повсюду царил суеда. Однажды Дай Чигуань случайно проходил мимо черного входа в поместье и наткнулся на Чу Вана и Чэн Яня. Они стояли плечом к плечу, проверяя доставленные товары, и оба выглядели такими счастливыми, что он первым делом поспешил скрыться в переулке. Лишь позже его обожгло горькое раскаяние.

Он и сам не мог толком объяснить, о чем именно жалел.

Больше всего чиновника уязвил присланный из поместья пригласительный билет. Что это — насмешка? Желание поиздеваться над ним?

Господин Дай явно был о себе слишком высокого мнения.

Поместье цзюньвана было огромным, и накрыть столы на несколько сотен гостей не составляло труда. Они пригласили всех мало-мальски значимых людей столицы, вплоть до Яньгуаней седьмого ранга. Переписчики два дня трудились над приглашениями, и намеренно пропустить Дай Чигуаня было бы слишком явным жестом. На самом деле ни Чэн Янь, ни Чу Ван даже не вспомнили о его существовании.

Свадьба бывает раз в жизни, и они решили не скупиться на торжество.

В день бракосочетания Чу Ван, облаченный в парадные одежды, проехал верхом во главе свадебной процессии по главным улицам столицы. Под грохот барабанов и звон гонгов они вернулись к воротам поместья, где цзюньван встретил паланкин Чэн Яня. Вместе они сделали еще один круг по городу — зрелище было поистине грандиозным, а толпы зевак не уставали обсуждать пышность свиты.

Хотя... поскольку это был их первый опыт, а профессиональной свахи под рукой не оказалось, о многих вещах они вспомнили в самый последний момент. В итоге ритуал получился весьма

вольным.

Например, «невесту» по обычаю должны были забирать из родного дома, но у Чэн Яня его не было. Они пытались в спешке купить какую-нибудь усадьбу для этой цели, но времени не хватило. К тому же Чу Ван научился держаться в седле лишь накануне, а его избранник только вчера узнал, что ему всё-таки придется сесть в цветочный паланкин...

В общем, всё было в первый раз.

Когда свадебный поезд с триумфом вернулся в поместье, трудно было разобрать, кто кого ведет за руку в главный зал. Чу Ван мертвой хваткой вцепился в руку Чэн Яня и, прижимаясь к нему, едва слышно пролепетал дрожащими губами:

— Чэн Янь... у меня ноги подкашиваются...

Тот лишь вздохнул и шепнул в ответ:

— Не бойся, всё уже позади. Обещаю, больше я не заставлю тебя садиться на лошадь.

Кто же знал, что маленький цзюньван так боится высоты...

Чу Ван еще крепче сжал его ладонь, но упрямо возразил:

— Нет, в следующий раз я хочу скакать вместе с тобой.

Чэн Янь промолчал — он не мог отказать в такой просьбе.

По правилам, жених и невеста должны были войти в зал, связанные алой лентой с шелковым шаром, но здесь всё пошло наперекосяк. «Невеста» сама откинула занавеску и вышла из паланкина, затем помогла «жениху» слезть с коня и, наконец, сама потащила его в залу для поклонов. Приглашенные для распоряжения свадьбой старухи-свахи лишь в изумлении хлопали глазами.

На почетных местах в глубине залы восседали Император и Императрица. Старший брат заменял Чу Вану отца, да и по возрасту государь вполне годился ему в родители.

Видя, как новобрачные, тесно прижавшись друг к другу, входят в залу, император долго сдерживался, чтобы не скривиться. Его лицо всё равно выражало крайнее недовольство, и он поторопил распорядителя:

— Начинайте обряд, нечего тянуть, а то упустите благодатный час.

Гости, заметив мрачный вид государя, поначалу решили, что он недоволен выбором брата. Но услышав эти слова, все вдруг «прозрели»: ах, видимо, его величество так доволен, что просто сгорает от нетерпения увидеть их мужем и женой!

Чэн Янь и Чу Ван оба были в алых одеждах. Оба в мужском платье, но стиль их нарядов тонко различался: у юноши он был более изысканным и строгим, у Чэн Яня — летящим и свободным. Одинаковые узоры вышивки на шелке перекликались, создавая единый, завершённый образ.

В зале ярко пылали красные свечи.

Они по очереди совершили поклоны Небу и Земле, затем — императорской чете. Когда же распорядитель выкрикнул: «Супружеский поклон!», они повернулись друг к другу.

Чу Ван, и без того светлокотый, в лучах свечей и в окружении алого шелка казался фарфоровым. На его щеках играл нежный румянец, а в глазах отражались мириады искр, словно в них упала целая пригоршня звезд.

Чэн Янь не удержался и едва слышно прошептал:

— Чу Ван, я хочу тебя поцеловать.

Опустившись на колени для поклона, Чу Ван тут же отозвался:

— И я тебя!

Сидевший прямо перед ними император сжал кулаки: пусть не думают, что он оглох!

После завершения обряда пришло время «проводов в опочивальню». Обычно ритуал включал снятие покрывала и другие церемонии в спальне, но они решили всё упростить. Выпив чаши с вином единства, новобрачные сразу вышли к гостям.

Император и Императрица вскоре откланялись, и только после их ухода приглашенные смогли вздохнуть свободно.

Гостей принимал Чэн Янь. Ведь Чу Ван для всех оставался неисцеленным дурачком, который не смыслит в этикете. Юноша ни на шаг не отходил от лекаря, преданно заглядывая ему в глаза, точно верная молодая женушка.

У Чэн Яня тоже не было опыта в подобных делах, но его база данных позволила ему быстро усвоить все тонкости светской беседы. Он держался безупречно.

Нашлись и те, кто втайне презирал Чэн Яня, считая, что статный красавец продался за богатство полоумному князю. Но стоило им увидеть открытое и благородное лицо лекаря, как их предубеждение таяло. А когда они замечали, с какой нежностью Чу Ван льнет к своему избраннику...

Им оставалось только завидовать.

Дай Чигуань всё-таки пришел. Он сидел за столом со своими сослуживцами, которые всю шептались о том, какая это любящая пара. Всякий раз, когда звучали эти слова, чиновнику казалось, что взгляды коллег направлены на него и полны невысказанной насмешки.

От ярости и обиды он один за другим опрокидывал кубки с вином.

Он не сделал ничего дурного! Это Чэн Янь — бесстыдный пройдоха, вот и всё!

— Господин Дай, пейте поменьше, — с тревогой заметил сосед по столу, видя, как тот налегает на хмельное.

Тот грубо оттолкнул его руку, и глаза его налились кровью:

— Не твое дело!

<http://bllate.org/book/15870/1439175>